



ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА.
ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ



Из истории
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПОИСКОВ

РЕГИСТРЫ ОПЫТА ИСТОРИКА ФИЛОСОФИИ*

А.В. ДЬЯКОВ

Аннотация

В статье предлагается анализ истории философии как гуманитарной дисциплины и в то же время части общего философского пространства. Автор предлагает взглянуть на эту область знания с точки зрения личного опыта историка, складывающегося в нескольких регистрах под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. История философии нуждается в собственном теоретизировании, что делает ее самостоятельной областью философских наук, и в то же время обретает вдохновение в не-философских источниках, поскольку историк философии является политически и идеологически ангажированным интеллектуалом. Автор выдвигает и аргументирует тезис о том, что философский опыт историка философии является определяющим для складывания теоретического пространства истории философии. Этот опыт определяет расстановку акцентов в пространстве изучаемого материала и идеологические выводы, от которых зависит диспозиция сил в интеллектуальной сфере.

Выделение регистров опыта историка философии позволяет автору сделать ряд общих выводов, касающихся истории философии как дисциплинарного пространства и интеллектуального опыта. История философии есть самостоятельная философская дисциплина и вместе с тем общественная наука. Эта дисциплина является по существу исторической и в значительной мере соприкасается с исторической эпистемологией. При этом историк философии может тяготеть как к историзму с его индетерминизмом и представлением об исторической уникальности всякой философской традиции, так и к телеологизму, представляющему историю философских учений как поступательное движение в направлении универсального знания, подчиняющееся общим закономерностям прогрессивного развития. И наконец, история философии обращается к области интеллектуальной практики, в строгом смысле наукой не являющейся, что требует от нее собственного теоретизирования, но в то же время, оставляет полный простор для интеллектуального творчества и зависит от философского опыта интеллектуала.

Ключевые слова: история философии, историк философии, философский опыт, эпистемология, ангажированность, интеллектуал.

* Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда «Антропологическое измерение истории философии», грант №17-18-01440, Санкт-Петербургский государственный университет.

Дьяков Александр Владимирович – доктор философских наук, ведущий кафедрой онтологии и теории познания, профессор Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.
a.diakov@spbu.ru

Цитирование: *ДЬЯКОВ А.В.* (2017) Регистры опыта историка философии // *Философские науки.* 2017. № 7. С. 72–82.

История философии в академическом пространстве выполняет роль пропедевтической дисциплины: войти в пространство философских наук можно лишь через изучение истории философии. Да и всякая вообще философская рефлексия, сколь бы частный характер она ни имела, требует в качестве подготовки погружения в историко-философские исследования. При таком положении дел совершенно естественно, что всякая сколь угодно самобытная философия не только имеет своим основанием историю философии, но в значительной мере сама ею является [Marcinkowska-Rosoi 2016]. Это основание предположительно должно носить безличный, объективный характер. Однако оно создается конкретными интеллектуалами и так же, как сама философия, всегда является плодом индивидуального творчества. Наш основной тезис можно сформулировать следующим образом: история философии, по своим целям и задачам представляющая безличную дисциплину, в действительности неизменно является пространством лично окрашенной рефлексии интеллектуала, действующего одновременно в нескольких регистрах. В зависимости от преобладания того или иного регистра корректируется функциональный акцент истории философии.

Школьное представление о философии сводится в общем к тому, что, подвергая все сомнению, она обретает основания внутри собственной рефлексии, сама себя легитимирует и верифицирует и, таким образом, не нуждается во внешних основаниях, а в принципе – и вообще ни в каком подспорье. В действительности даже самое общее знакомство с историей философии показывает, что свои основания она всегда находит на стороне, а идеал рационального самообоснования остается недостижимым мечтанием. У.К.Ч. Гатри в своей классической работе весьма точно подметил эту основополагающую черту, присущую философии с самого ее начала: «Зарождение философии в Европе состояло в отказе, на уровне сознательной мысли, от мифологических решений проблем, связанных с происхождением и природой вселенной и процессов, которые протекают внутри нее. Религиозная вера заменяется верой, которая была и остается основой научной мысли со всеми ее победами и всеми ее ограничениями, то есть верой, что видимый мир скрывает в себе разумный и постижимый умом порядок, что причины мира природы следует искать в его

границах и что независимый человеческий разум является нашим единственным и достаточным инструментом познания» [Гатри 2015, 113]. Действительно, в центре философии всегда стоит вера в определенный порядок вещей, и все рациональные схемы опираются на эту веру и не могут ее заменить.

М. Фуко предпочитал говорить о режимах веридикции: всякий дискурс, говорил он, легитимируется определенным режимом структурных отношений, так что своей суггестивной мощью он обязан не стройности своей спекуляции, а соответствию господствующему в конкретном эпистемическом пространстве режиму [Desroches 2013]. Структурализм — мощное орудие в борьбе против метафизики, благодаря которому послевоенному поколению французских философов удалось совершить подрыв бинарной оппозиции «сущность/явление» и поколебать позиции картезианского субъекта. Успех был настолько ошеломительным, что Фуко заявил даже о «смерти человека» как преходящей, исторически обусловленной и устаревшей фигуры, путающейся под ногами у философов [Allen 2000]. Когда головокружение от успехов прошло, выяснилось, что философии даже под видом «эпистемологии» не удалось уйти не только от метафизики, но и от веры в постоянно существующие инстанции — те самые «транс-исторические универсалии», с которыми Фуко вел борьбу, достойную ламанчского рыцаря. Дело в том, что схема веридикции дискурсов хорошо работала в безвоздушном пространстве эпистемологии, но при попытке объяснить реально происходящие социально-политические процессы обнаружила свою полную несостоятельность. Анализ властных отношений потребовал от Фуко возрождения метафизики в виде философии желания, а то обстоятельство, что эта метафизика имела своим основанием ницшеанскую позитивность вместо гегельянской негативности, по сути ничего не меняло. Более того, потребовалось воскресить субъекта желания, ибо определяющей категорией этой обновленной метафизики стала воля — ницшеанская *воля к власти*, трансформировавшаяся в *волю к знанию*. Таким образом, философии вновь не удалось избавиться от не-философского основания.

Эта попытка была не единственной в своем роде. Напротив, философия непрестанно старается уйти от своего не-философского основания или хотя бы прилично замаскировать его. Ведь речь идет о легитимации философского дискурса, о доверии к философии со стороны интеллектуалов, в конце концов, о власти над умами. И раз сам теоретический философский дискурс с этой задачей не справляется, за дело берется историк философии.

История философии является тем пространством, в котором происходит как легитимация философской традиции, так и ее подрыв. Это поле боя, на котором сходятся идеологические противники,

а победитель получает все. Победа зависит не от владения искусством экзегетики, не от силы герменевтического метода, а скорее от убедительности интерпретации, позволяющей привлечь на свою сторону максимальное количество союзников. Здесь одерживают победы или терпят поражения не одиночки, а коалиции, но именно одиночки выполняют всю работу на текстуальном уровне, и именно они пишут историко-философский дискурс. Так что лес не должен заслонять от нашего взора деревья.

Историк философии действует одновременно в нескольких регистрах, и в зависимости от потребностей и чаяний эпохи, в которую ему выпало жить, тот или иной регистр приобретает большую или меньшую значимость. Таким образом, его деятельность не только, а порой и не столько носит теоретический и сугубо научный характер, сколько является идеологической и политической работой. Но начнем по порядку.

Первым регистром историко-философской работы является, конечно же, работа исследовательская, как бы ее ни понимать — как теоретическую, структурную, историческую и т.п. Философское творчество оставляет плоды, нуждающиеся в герменевтике, выявлении основных идейных пластов и т.п. На практике это означает вычленение в корпусе текстов ключевых моментов, к которым в значительной мере сводится вся мыслительная деятельность изучаемого философа или школы. В пределе историко-философская деятельность способна свести обильный словами дискурс к одному-двум афоризмам, представляющим в концентрированном виде самую суть творчества конкретного автора. У профанов такой результат может вызывать недоумение: зачем же было писать так много, если в действительности философ хотел сказать так мало, а мысль его может быть выражена так просто? Такому многословию существует много объяснений: прежде всего, автору нужно было прийти к той мысли, которая теперь выражается в концентрированной форме, а его тексты — строительные леса, по которым он к этой мысли подбирается. Теперь леса сняты, и мы видим ее завершенной. Историк философии как раз и призван разобрать леса. Но с другой стороны, изучаемый философ мог сказать много такого, что лежит в стороне от того, что считается теперь центральным моментом его мысли, а то и вовсе не вяжется с ней. А значит, историк философии совершил теоретическое насилие. В каком-то смысле он похож на героя Р. Музиля, заявившегося в библиотеку и потребовавшего подать ему «самую главную книгу», да еще и отметить в ней «самые важные места». Вернее, на того, кто этот отбор производит. Эта работа, несомненно, полезна в педагогическом отношении, ибо позволяет знакомиться с историей философии в сжатые сроки и дает существенную экономию времени. Но при этом она дает образ философии, зависящий от идеологиче-

ской ангажированности или эстетических предпочтений историка философии, который никогда не бывает совершенно свободен в этих отношениях, а значит, расставляет акценты на свое усмотрение. Мы можем видеть, например, что философия Ницше может преподаваться и как реакционная и превозносящая идеалы аристократического правления [Одуев 1971], и как революционирующая мышление, освобождающая его от вековых заблуждений [Meggrow 2004]. Точно так же философия Гегеля может рассматриваться как революционная по своему характеру или как основание для тоталитарной идеологии [Reinhardt 1938].

Все это приводит нас к заключению о том, что вторым регистром историко-философской практики является регистр идеологии. История философии зачастую выполняет идеологический заказ и в этой своей деятельности может доходить до таких крайностей, как пересмотр всей вообще философской мысли с точки зрения ее принадлежности к тому или иному политическому лагерю. Возможность для философии оставаться в стороне от политической борьбы при этом не признается — вспомним хотя бы знаменитую работу В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Речь здесь идет даже не столько о выявлении врагов, сколько о поиске союзников — советская история философии повсюду искала «материалистов», находя их не только среди эпикурейцев *belle époque*, но и в античных полисах. Интеллектуал, над которым не довлеет деспотический гнет, превращающий его в слугу идеологии, также редко бывает совершенно свободен от идеологической ангажированности или хотя бы от предпочтений, оказывающих влияние на его работу и в итоге заставляющих его выдавать те или иные оценки. Такова общая беда всей исторической науки: абсолютная объективность оценок и суждений — недостижимый идеал.

Идеологический регистр работы историка философии, конечно, не исчерпывается политической ангажированностью интеллектуала, которая, к тому же, и не во все времена считается обязательным условием интеллектуального труда. Сам образ ангажированного интеллектуала, работа которого должна предваряться и определяться политическим выбором, является продуктом определенной идеологии, которая вовсе не является чем-то обязательным для истории философии, а напротив, всегда бросается в глаза как что-то вредное для этой дисциплины, ибо ведет к тенденциозности и субъективизму в оценках. Однако жить в обществе, оставаясь независимым от него, невозможно. Поэтому историк философии должен совершать над собой усилие, чтобы, говоря о Канте, не подразумевать президента своей страны.

Но все это, так сказать, побочные эффекты. Куда важнее оказывается идеология того времени, в котором выпало жить историку философии. Само понятие современности глубоко идеологично и не-

сет с собой ряд установок, определяющих отношение интеллектуала к своим предшественникам и современникам. Достаточно вспомнить знаменитую статью И. Канта «Что такое Просвещение?», в которой философ определяет собственную современность через философскую и идеологическую программу, реализация которой только и делает его время «современностью» в собственном смысле [Кант 1994, 29]. Анализ статьи Канта, предпринятый М. Фуко, также дает возможность теперь уже французскому философу заявить о преемственной связи собственной современности с современностью Канта [Фуко 2011, 25]. Вместе с тем в обоих случаях открывается широкий простор для критики идеологий и философий и для выработки особой перспективы историко-философского процесса.

Можно сказать, что история философии всегда представляет собой идеологическую работу в самом широком смысле этого понятия. Ее задача состоит в том, чтобы определить для изучаемого автора, традиции или школы место в современном ретроспективном взгляде на развитие мысли, в сопоставлении с днем сегодняшним. Поэтому всегда приходится определять отношение историко-философского феномена к сегодняшнему дню, оценивать его как актуальный или представляющий интерес лишь в историческом отношении, т.е. устаревший. А это уже предполагает противопоставление старое/новое, историческую периодизацию, декларацию своей современности в отличие от прочих эпох и т.д.

Это приводит нас к обозначению третьего регистра опыта историко-философской работы – собственно исторического. Историк философии – это прежде всего историк, а уже потом философ, идеолог, филолог и т.д. Это настолько очевидно, что авторы вроде уже не раз упомянутого нами в качестве эмблематической фигуры М. Фуко даже отказываются от понятия «история философии» в пользу конструкции «история мысли» [Delaporte 1998]. Это, конечно, не что иное как трансформация и сужение дисциплинарной квалификации «историческая эпистемология», отсылающей к большой и довольно старой традиции исследования истории науки, не ограничивающейся философией в узком понимании. Но историк философии – не просто историк мысли; его задача в том, чтобы представить изучаемый феномен в присущем ему окружении, дать его портрет в интерьере, в контексте, в среде его эпохи. При этом сам историко-философский феномен должен обнаружить свою значимость для своей эпохи. Тем самым историк философии становится историком в широком смысле, правда, выходящим на этот широкий простор через узкие ворота и в конце концов обязанный в них вернуться. Никакая история не бывает «объективной» и свободной от оценок и пристрастий того, кто ее пишет. Истории философии это присуще в превосходной степени: история пропускается здесь через двойное

сито, в котором задерживаются не все крупные фрагменты породы, а лишь некоторые. Используя выражение П. Вейна (которое тот применил к одному историку мысли, но, на наш взгляд, его можно смело распространить и на всех остальных), можно сказать, что история философии — это работа по отбору редкостей (а не общих мест).

В философии всегда противоборствуют две позиции, два взгляда — генерализующий и историзирующий. Первый предполагает, что философия обращается к вневременной и внеисторичной истине, которая может быть обнаружена в любой момент и в любом месте, а отыскание ее (или по крайней мере приближение к ней) зависит лишь от верности используемого метода. Второй говорит об историчности любой философии, метода, а значит, и самой истины, и ведет к историческому релятивизму. История философии также может склоняться к тому или иному из этих взглядов. Примером первой может служить история философии Гегеля, да и позиция Б. Рассела в этом отношении не слишком от нее отличается. Примером второй — история мысли М. Фуко, требующая отказаться не только от веры во вневременную истину, но и от самого понятия исторического развития. История философии сама всегда в своем основании является философией и делает выбор в пользу той или иной установки.

Генерализующий подход ставит в центр философии ее способность находить основание в собственной причастности к истине, выработку трансисторических универсалий и единого метода познания. Такая философия претендует на постижение если не истины как таковой, то во всяком случае универсальных закономерностей мира, которые в то же время являются закономерностями мышления, что гарантирует причастность философии к вечным истинам. История философии, придерживающаяся этой стороны мысли, рассматривает все доктрины и учения с точки зрения их приближения к тому идеалу, который обозначается как «истина». Как правило, критерием оценки выступает степень корреляции с доктриной, которой придерживается историк философии. Здесь открывается широкий простор для реализации политических, религиозных, идеологических и прочих пристрастий историка философии.

Историзирующий подход подчеркивает историчность всякого взгляда на истину и самого понятия истины. Любая философия при этом рассматривается как продукт определенной эпохи с характерными для нее формами мышления, багажом знаний и идеологическими пристрастиями. Историк философии, занимающий такую позицию, претендует на «объективный» и «исторический» взгляд на процесс развития мысли, признавая за философией право двигаться в любом направлении, не обязательно «прогрессивном». Полагая себя свободным от идеологической ангажированности, он при этом оказывается ангажированным идеологией, которую

Р. Барт очень удачно описал как «миф»: претензия занимать место, свободное от всяческих мифов, есть сама по себе миф. Идеология релятивизма есть такая же идеология, как все прочие, только своим алиби она имеет свободу от идеологий. Личный опыт историков философии, тяготеющих к этой позиции, показывает, что они могут исповедовать самые разные политические доктрины, от маоизма до неолиберализма.

Оба подхода в истории философии позволяют брать тон выразителя (вне)исторической истины и судьи над историей философии; оба обладают примерно одинаковой степенью убедительности и в равной степени идеологизированы. Выбор остается за историком философии и зависит от его философского опыта. Нетрудно заметить, что здесь интеллектуал, занимающийся историей философии, вступает в издавна существующее пространство философского спора, истоки которого можно возводить к знаменитому спору Сократа и софистов. Ему приходится делать выбор не идеологического, но куда более фундаментального порядка, связанного с вопросом веры, о котором говорит У.К.Ч. Гатри.

К. Ясперс когда-то заметил, что философия есть история философии [Ясперс 2000, 68–69]. Справедливо будет добавить, что история философии сама по себе является философией. Ей приходится ставить свои собственные теоретические проблемы, действовать в различных дисциплинарных регистрах, от онтологии и методологии до этики и эстетики, взаимодействовать с обществом и соответствовать уровню развития гуманитарных, а порой и естественных наук. Здесь точно так же, как во всякой вообще философии, все зависит от философского опыта интеллектуала, который этим делом занимается. Этот опыт формируется не только и, быть может, не столько эндогенными, сколько экзогенными факторами. Но при этом сам философский опыт интеллектуала складывается в процессе его профессиональной деятельности. История философии оказывается тем фокусом, в котором сходятся все линии философской практики, а философия становится подлинно рефлексивной.

Выделение регистров опыта историка философии позволяет сделать ряд общих выводов, касающихся истории философии как дисциплинарного пространства и интеллектуального опыта того, кто ею занимается. Прежде всего, история философии есть самоценная философская дисциплина, а не какая-то школьная расстановка акцентов, зависящая от дидактических и идеологических потребностей момента. Идеал «объективности» и клинической точности есть фантазия, представляющая эту дисциплину по аналогии с классическим естествознанием, фиксирующим исключительно факты и стремящимся минимизировать вмешательство наблюдателя в наблюдаемые явления. Это общественная наука, требующая от интеллектуала ряда

процедур, связанных с пониманием и предполагающих его психологическую вовлеченность в процесс.

Эта дисциплина является по существу исторической и несет с собой те же достоинства и недостатки, что и академическая история. При этом она опирается почти исключительно на письменные источники, а ее пространство ограничивается историей мысли, лишь незначительно соприкасаясь с материальной, экономической или политической историей. История мысли требует теоретизирования и в этом отношении тяготеет к превращению в методологическую дисциплину, имеющую много общего с исторической эпистемологией. При этом историк философии может тяготеть как к историзму с его индетерминизмом и представлением об исторической уникальности всякой философской традиции, так и к телеологизму, представляющему историю философских учений как поступательное движение в направлении универсального знания, подчиняющееся общим закономерностям прогрессивного развития. Выбор зависит от теоретической позиции интеллектуала, и зачастую бывает продиктован его политическими или идеологическими убеждениями, сложившимися под влиянием факторов не-философского характера.

И наконец, история философии, которая мыслится как строгая наука, имеющая много общего как с филологией, так и с историей, обращается к области интеллектуальной практики, в строгом смысле наукой не являющейся. Само по себе это не представляет никакой проблемы, однако история философии сама является философской дисциплиной, возможно даже, самой важной для пространства философской практики. Это не столько подрывает статус истории философии в качестве «строгой науки», сколько требует от нее собственного теоретизирования, но в то же время, оставляет полный простор для интеллектуального творчества и зависит от философского опыта интеллектуала.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гатри 2015 – *Гатри У.К.Ч.* История греческой философии. Т. 1. Ранние досократики и пифагорейцы / пер. Л.Я. Жмудя. – СПб.: Владимир Даль, 2015.

Кант 1994 – *Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? / пер. Ц.Г. Арзаканьяна // *Кант И.* Соч. В 8 т. Т. 8. – М.: Чоро, 1994.

Одуев 1971 – *Одуев С.Ф.* Тропами Заратустры (влияние нищестанства на немецкую буржуазную философию). – М.: Мысль, 1971.

Фуко 2011 – *Фуко М.* Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году / пер. А.В. Дьякова. – СПб.: Наука, 2011.

Ясперс 2000 – *Ясперс К.* Всемирная история философии. Введение / пер. К.В. Лощевского. – СПб.: Наука, 2000.

Allen 2000 – *Allen A.* The Anti-Subjective Hypothesis: Michel Foucault and the Death of the Subject // *Philosophical Forum*. 2000. Vol. 31. № 2. P. 113–131.

Delaporte 1998 – *Delaporte F.* Foucault, Epistemology and History // *Economy & Society*. 1998. Vol. 27. № 2–3. P. 285–297.

Desroches 2013 – *Desroches D.* La vérité du sujet. Subjectivation et vérification chez Foucault // *Symposium: Canadian Journal of Continental Philosophy*. 2013. Vol. 17. № 2. P. 31–52.

Marcinkowska-Rosoi 2016 – *Marcinkowska-Rosoi M.* Philosophical Usage of the History of Philosophy. A Proposal for a Functional Typology // *Diametros: An Online Journal of Philosophy*. 2016. № 49. P. 50–67.

Merrow 2004 – *Merrow K.* «In The Name of...». Rousseau in Nietzsche's Texts, or, How One Makes the Revolution Not Happen // *Rethinking History*. 2004. Vol. 8. № 2. P. 223–245.

Reinhardt 1938 – *Reinhardt Ch.H.* Hegel and State Totalitarianism // *Dublin Review*. 1938. Vol. 202. P. 48–57.

THE EXPERIENCE REGISTERS OF THE HISTORIAN OF PHILOSOPHY*

A. V. DYAKOV

Summary

The article suggests the analysis of the history of philosophy as a humanitarian discipline and at the same time as a part of the general philosophical space. The author suggests looking at this area of knowledge in terms of view of the personal experience of a historian, formed in several registers under the influence of both internal and external factors. The history of philosophy needs its own theorizing, which makes it an independent field of philosophical sciences, and at the same time finds inspiration in non-philosophical sources, because the historian of philosophy is a politically and ideologically engaged intellectual. The author proposes and argues the thesis that the philosophical experience of the historian of philosophy is decisive for the formation of the theoretical space of the history of philosophy. This experience determines the arrangement of accents in the space of the material being studied and the ideological conclusions on which the disposition of forces in the intellectual sphere depends.

The definition of the registers of experience of the historian of philosophy allows the author to make a number of general conclusions concerning the history of philosophy as a disciplinary space and intellectual experience. The history of philosophy is an independent philosophical discipline and, at the same time, social science. This discipline is essentially historical and largely in touch with historical epistemology. At the same time, the historian of philosophy can gravitate both a historicism with its indeterminism and the notion of the historical uniqueness of any philosophical tradition, and teleology which represents the history of philosophical teachings as a progressive movement

* The Research Was Carried Under the Project of Russian Science Foundation «Anthropological Dimension of the History of Philosophy», Grant No 17-18-01168, St. Petersburg State University.

towards the universal knowledge, subject to the general laws of progressive development. Finally, the history of philosophy refers to the field of intellectual practice, which in a strict sense is not a science, and which requires its own theorizing, but at the same time, leaves the space for intellectual creativity and depends on the philosophical experience of the intellectual.

Keywords: history of philosophy, historian of philosophy, philosophical experience, epistemology, engagement, intellectual.

Dyakov, Alexandr – D.Sc. in Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Professor at the Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University.
a.diakov@spbu.ru

Citation: *DYAKOV A.V.* (2017) The Experience Registers of the Historian of Philosophy. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 7, pp. 72-82.

REFERENCES

Guthrie W.K.C. (1962) *A History of Greek Philosophy* (Russian Translation: Vladimir Dal', Saint-Petersburg, 2015).

Oduev S.F. (1971) *By The Ways of Zarathustra (the Influence of the Nietzscheanism on the German Bourgeois Philosophy)*. Misl, Moscow, 1971 (in Russian).

Kant I. (1784) What is the Enlightenment? (Russian Translation in: Kant I. *Oeuvres*. Vol. 8. Choro, Moscow, 1994, pp. 29-37).

Foucault M. (1983) *The Government of Self and Others: Lectures at the Collège de France. 1982-1983* (Russian Translation: Saint-Petersburg, 2011).

Jaspers K. (1982) *Weltgeschichte der Philosophie. Einleitung* (Russian Translation: Saint-Petersburg, 2000).